

В самой просторной и роскошной комнате тренировочного лагеря гладиаторов Батиата, которая использовалась только для приема VIP-персон, Маркус беззаботно ел фрукты.

Но Даная, стоявшая позади него, казалась нетерпеливой.

- Молодой господин, было бы здорово, если бы с вами был и Септимус-сама? Если что-то пойдет не так...

- ...если произойдет то, о чем вы беспокоитесь, ничего не изменится ни с Септимусом, ни без него.

- И все же, была ли необходимость его отсылать?

- Это потому, что я не знаю, что произойдет. Септимус, кажется, теперь верит в меня, но он определенно верен моему отцу. Я не могу пригласить его на такую встречу, пока не буду уверен, что он полностью на моей стороне.

Услышав это, Даная улыбнулась и пошевелила пальцами.

По интерпретации слов Маркуса, это означало, что она была полностью принята и Маркус в нее поверил.

При такой мысли внутри ее груди стало очень щекотно.

- Тогда молодой господин, планируете ли вы также сделать своим гладиатора по имени Спартак?

- Я бы хотел сделать это, если смогу. Но я думаю, нам сначала придется поговорить, прежде чем мы сможем решить, достоин ли я служить ему.

- Если у этого гладиатора есть глаза, он определенно захочет служить тебе.

Маркус улыбнулся и вручил Данае корзину с фруктами. Не долго думая, она взяла фрукт и поднесла его ко рту.

Вопреки безграничной уверенности Данаи, Маркус видел лишь половину шансов.

Если он думал о будущем, то необходимо было набирать людей, превосходящих физически и в военном отношении.

Маркус мог сделать достаточно богатства и политики, но он не был уверен в военном аспекте.

Для захвата власти в Риме военная доблесть и военный талант были не обязательными, а необходимыми.

Марий, Сулла и Цезарь, те, кто стоял на вершине Рима, использовали армию в качестве последнего средства.

Случай, когда военного таланта не хватало, но он все еще стоял на вершине, был Август, но вместо этого у него были доверенные лица, чтобы компенсировать его недостатки.

Маркус решил последовать методу Августа.

Если собственных способностей не хватало, необходимо было привлечь подчинённых, чтобы восполнить их.

Спартак был символом личной мощи в военном отношении.

Поскольку Цезарь погиб в результате убийства, наличие надежного эскорта было необходимо.

Маркус уже знал талантливых людей, которые возглавят группы, неподвластные отдельным людям, но еще не было времени их вербовать.

Кроме того, Маркус был уверен, что вербует их со 100% вероятностью, но случай со Спартаком был немного иным. Потому что Марк не знал, какая вражда может быть у Спартака с Римом.

- Восстание Спартака произойдет через год. Есть большая вероятность, что его гнев почти достиг критической точки.

Не было причин бунтовать, если кто-то был доволен статус-кво, поэтому Маркус пришел к такому выводу.

Если бы глаза и уши Спартака были заблокированы ненавистью, существовала высокая вероятность того, что, как бы хорошо Маркус ни пытался объяснить, Спартак его даже не услышит.

В тот момент это был не вопрос разума, а вопрос эмоций.

- В конце концов, это зависит от того, насколько я смогу освободить его разум.

Как только Маркус разобрал все свои мысли, кто-то постучал в дверь и сказал:

- Могу ли я войти?

Это был низкий и резкий голос.

Маркус ответил сразу.

- Все в порядке. Можешь войти.

Когда разрешение было дано, дверь открылась и появился человек.

- Приятно познакомиться. Меня зовут Спартак. Ты мне звонил?

Присутствие, напоминающее сталь, не изменилось с тех пор, как Маркус увидел его на арене.

Увидев Спартака прямо перед своими глазами, Маркус почувствовал, что будет напуган, если не укрепит свой разум.

- Это правда.

- В чем причина? Почему благородный захотел увидеть этого скромного раба?

Рот Спартака улыбался, а глаза — нет.

Маркус хорошо знал это выражение.

Именно такую улыбку он одаривал клиентам в прошлом, когда работал неполный рабочий день.

- Низкий раб? Кто осмелится проявить неуважение к такому превосходному гладиатору, как ты? Даже в Риме, возможно, не найдется никого столь искусного, как ты.

- Это просто навык, который я развил, чтобы выжить.

В его голосе не было ни малейшего намека на гордость. Похоже, у него не было той гордости, которую он должен был иметь, обладая навыками, которыми не обладал никто другой. Вместо этого все, что вырвалось из его уст, было глубокое раскаяние и горечь.

- Похоже, тебе не нравится ситуация.

- Что я могу сделать, если мне это не нравится? Только тот, у кого есть выбор, может иметь такой ум.

- Даже если ты не можешь сделать выбор, пока ты жив, каждый может думать. Я слышал, что в тренировочном центре Батиата не очень хорошее обращение. Я могу понять жалобы гладиаторов.

- Такого не бывает. Недовольных нет.

Голос Спартака слабо дрожал.

Уже благодаря этому краткому разговору Маркус начал иметь некоторое представление о характере Спартака: Спартак был честным и упорным человеком. Может быть, поэтому ему было трудно скрыть свои истинные чувства.

Записи показали, что Спартак даже во время войны удерживал гладиаторов от повальной бойни.

С таким благородным характером пережить нынешнюю адскую ситуацию было бы еще труднее.

- Если вы будете осторожны, чтобы не попасть в уши Батиата, то вам не придется беспокоиться о честности. Я обещаю сохранить разговор, который у нас здесь есть, в полной тайне. Вот почему я уже послал своего помощника также отдельно.

Взгляд Спартака упал на Даная, стоявшую рядом с Марком.

- Но этот ребенок...

- ...о, с этой девушкой все в порядке. Если я скажу ей держать это в секрете, она не откроет рта даже перед архонтом. Не хотите ли вместо этого съесть немного фруктов? На вкус они очень вкусные.

Маркус обратил свое внимание на корзину с фруктами, которую он ранее подарил Даная.

Однако он не мог видеть, куда делись фрукты, сложенные до сих пор.

Даная покраснела и попыталась как можно меньше проявлять свое присутствие.

- Прости! Я думал, что смогу съесть все это и...

- ...Эмм... Нет... Все в порядке. Хммм, мои действия можно было истолковать именно так...

- ...этот ребенок из Фракии? Рядом с Грецией?

Спартак не слушал Марка и не сводил глаз с Даная.

Это было грубо, но он, похоже, даже не осознавал, что сделал что-то не так.

Маркус был рад, что Спартак первым проявил интерес, поэтому не стал указывать на это.

- Правильно. Она из Фракии. Ее зовут Даная. Она под моей защитой.

- Я понимаю...

Разум Спартака был наполнен сложными эмоциями.

Во-первых, было приятно встретить кого-то из того же района в неожиданном месте. Однако его также злил тот факт, что она жила как рабыня у римлян.

Однако, когда он присмотрелся, на лице девушки не было никаких негативных эмоций.

- Разве ты не съел все фрукты, которые принес и дал тебе хозяин?

Сначала он задавался вопросом, была ли она наложницей Маркуса или что-то в этом роде, но, глядя на возраст этих двоих, он не думал, что это так.

- Почему ты держишь с собой этого ребенка?

- Я сейчас многому учусь. Я тоже хочу расширить свой кругозор. В конце концов, есть некоторые вещи, которые невозможно увидеть, просто сидя перед столом.

- Образование рабынь?

- Нет закона, запрещающего мне это делать, верно?

Это было то, о чем Спартак никогда не слышал. Он изменил оценку Маркуса и пересмотрел ее на своеобразного аристократического мальчика.

Вот и все.

Даже если он был аристократом, хорошо обращавшимся с рабами, в конце концов, он все равно оставался римским аристократом. Потому что, когда он вырастет, он ничем не будет отличаться от большинства римских дворян.

Спартак видел много таких римлян. Накопившиеся к настоящему времени стереотипы изменить было не так-то просто.

- ...Итак, какую же откровенную историю хочет услышать от меня молодой господин?

- Говоря прямо, я хочу вытащить тебя отсюда и отвезти в Рим. Я хочу, чтобы ты сотрудничал с идеей, которую я рисую. Ты готов это сделать?

- Ты говоришь что-то странное. Если ты этого хочешь, тебе придется поговорить с Батиатом, а не со мной. У меня нет выбора.

Говорили, что рабы не могут выбирать свою судьбу.

Если Маркус хочет завладеть Спартаком, он должен сообщить об этом своему хозяину.

Маркус сузил брови и снова заговорил.

- Я выслушаю твой ответ и поговорю с Батиатом. Важно то, что ты готов пойти со мной. Как дела? Ты готов покинуть это место?

Некоторое время царило неловкое молчание. Вскоре Спартак открыл рот.

- Что бы ты сделал, если бы я сказал «нет»?

- Мне придется попытаться уговорить. Думаю, если ты услышишь мой план, ты тоже согласишься. Если ты все равно не передумаешь, я сдамся.

- Вам не придется меня убеждать. Я никогда не поеду в Рим.

- Немного неожиданно, что ты даже не хочешь выслушать мой план.

Маркус почесал затылок в ответ на отказ, который оказался более упорным, чем ожидалось.

- Можешь мне сказать почему?

- Поездка в Рим сделает меня зрелищем для все большего и большего числа людей.

- Ты не хочешь быть шутком, чтобы развлекать римлян?

Лицо Спартака затвердело, как лед. Эмоции, которые он не мог подавить, вырвались из его голоса.

- Это не та позиция, в которой хотелось бы оказаться.

- Значит, ты собираешься оставаться запертым в этой маленькой Капуе?

- Рим большой? Мой мир полон тесных тренировочных лагерей и гладиаторских арен. Что бы изменилось, если бы я поехал в Рим? Тренировочный лагерь чуть большего размера? Арена, способная вместить больше людей?

- Я не собираюсь так с тобой обращаться.

- Бред!

Спартак, не в силах больше сдерживать эмоции, вскрикнул.

Приказ Батиата не грубить давно уже стерся из его памяти.

Если бы он поехал в Рим, конечно, условия и лечение были бы немного лучше.

Однако если бы он ушел, то стал бы полноценным рабом, и по сути ничего не изменится. В конце концов, Маркус был римским аристократом. Разве Спартак не знал, что Маркус искал его только для того, чтобы заработать денег? Спартак никогда бы не продал себя ради развлечения римлян.

- Я знаю, о чем ты подумал. Но сначала остынь и выслушай мой план. После этого еще не поздно принять решение.

- Хаа! Какую бы лезть ты ни пытался варить, я уже принял решение. Я никогда не уступлю римлянам и аристократам. Даже если я попаду в рабство, я не продам свое достоинство и гордость.

- Эх, это не так...

Спартак был не в том состоянии, чтобы слова могли проникнуть в его голову.

Потому что Спартак теперь не злился на Маркуса. Вместо этого он выражал свой гнев против самого Рима. Это было именно то, чего боялся Маркус.

Есть поговорка, называемая законом Генриха.

Это статистический закон, который гласит, что прежде чем произойдет крупное событие, с ним связаны десятки предвестников. Восстание Спартака ничем не отличается.

Сколько обиды и ненависти должно было накопиться, прежде чем эти эмоции вылились в прямую форму бунта?

Маркус прямо сейчас смотрел на эти эмоции.

Спартак увидел, что тень Рима густо отбрасывается за Марком.

Это была не та ярость, которую мог успокоить римлянин, да еще Марк, дворянин.

- Неужели нет другого выбора, кроме как сдаться...

Маркус был уверен, что сможет убедить Спартака, если тот прислушается к плану Маркуса, но Маркус не мог общаться с человеком, который закрыл дверь его сердцу и ушам.

Как раз в тот момент, когда Маркус собирался сдаться, в неожиданном месте произошел прорыв.

Бах!

По комнате разнесся звук.

Марк, как и Спартак, находившийся в ярости, обратили взор на источник звука.

Источником шума была корзина, катившаяся у ног Спартака.

Даная швырнула в него корзину с фруктами, которую держала в руках.

- Извинись перед молодым мастером, прямо сейчас! Молодой мастер никогда не бывает таким!

- ...?...

Даная не вздрогнула даже перед мужчиной вдвое крупнее ее. Она говорила слегка дрожащим голосом.

- Конечно, большинство римлян не считают рабов людьми. Но молодой господин — другое дело. Он спас меня и даже столкнулся с таким же римлянином, который избивал меня, чтобы дисциплинировать. Кроме того, он дал мне возможность научиться всем видам знаний, которых

я не смог получить даже во Фракии.

- Неважно, раб есть раб.

- Может быть... Но даже если я раб, мой молодой хозяин всегда спрашивает мое мнение и уважает меня. До сих пор он ни разу не прикасался к моему телу. Он также убедил меня не становиться инструментом господина, а быть человеком. Кроме того, когда мы пошли посмотреть гладиаторский бой, он даже переживал, что мне будет некомфортно. Если бы я не хотела, он бы не взял меня на соревнования. Но вы говорите, он как и другие дворяне? Пожалуйста, немедленно заберите свои слова обратно!

Несмотря на то, что в ее глазах были слезы и голос дрожал, Даная не остановилась. В ее глазах не было ни малейшего намека на колебание или сомнение. Скорее, смутился Спартак.

- Если то, что ты говоришь, правда... Да, этот человек может отличаться от других дворян.

- Не судите обо всем мире, основываясь на своем узком опыте. Это то, что делают маленькие люди. Вы другие.

Даная уверенно заявила перед подозрительным Спартаком.

- Как ты можешь быть в этом уверен?

- Потому что молодой мастер хочет завербовать вас, и именно молодой мастер изменит этот Рим. Он не будет испорчен Римом, но Рим изменится вместе с ним.

Ее вера была настолько тверда, что Спартак не мог придумать, против чего можно было бы возразить. Как эта девушка могла верить в своего хозяина и быть настолько уверенной в себе?

В застывшем сердце Спартака открылась трещина.

Он посмотрел на Маркуса и спросил.

- Для тебя я... человек?

Его тон полностью изменился по сравнению с предыдущим.

Маркус ответил твердым голосом, обращаясь к Спартаку.

- Тогда кто ты, если ты не человек?

- Понятно. Ты собираешься изменить Рим? Думаешь, это возможно?

- Если бы я думал, что это невозможно, я бы с самого начала пошел на компромисс с реальностью и жил бы, как другие дворяне.

- Я не знаю. Я... Вздох, о чём, черт возьми, ты думаешь?

Его голос, приглушенный вздохами и вопросами, наполнил комнату, как туман. И голос Маркуса распространился, как луч света, прорезающий густой туман.

- Прежде всего, что я пытаюсь сделать через вас, это улучшить гладиаторские бои. Вот почему...

Услышав идею Маркуса, Спартак на мгновение замолчал. Вскоре он поднял голову. В его глазах все еще царила смесь сомнений, но в его глазах также теплился проблеск надежды.

- Неужели это возможно? Нет, разве это невозможно?

- Я сделаю это возможным, если ты поедешь со мной в Рим.

Искренние слова Маркуса достигли сердца опустошенного Спартака.

- На этом все не заканчивается. Улучшение гладиаторского боя — это лишь переходный момент. Не только для меня, но и для тебя. Собираешься ли ты провести всю свою жизнь гладиатора, запертого на круглой арене? Наверное, нет. Что я пытаюсь сделать это, и это может нажить мне много врагов. Так что наблюдайте за мной внимательно и защищайте меня. Тогда вы увидите прямо рядом с собой человека, которому вы доверяли, который поднимается на вершину Рима и меняет все.

Голос Маркуса превратился в обещание, и свет в его глазах пронзил тьму в сердце Спартака.

Рим, имя, которое считалось только врагом Спартака, теперь пытался стать именем, символизирующим новые вызовы и надежду.

Увидев Спартака таким, Марк понял, что это был момент начала первого шага его великого плана.